
О ПРИРОДЕ ОСЕТИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ТЕОРИИ БИЛИНГВИЗМА И ТРАНСЛИНГВИЗМА

И.С. Хугаев

Кафедра русской и зарубежной литературы
Российского университета дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В работе выявляются и рассматриваются основные параметры русскоязычной осетинской литературы в аспекте теории билингвизма и транслингвизма как с точки зрения синхронии, так и в динамическом отношении.

Явление двуязычия или многоязычия как результат лингво-культурных контактов неизменно присутствовало в разных регионах, у разных народов и в разные эпохи; но на современном этапе истории оно становится важнейшим геополитическим, социальным и культурным обстоятельством и актуальнейшей научной проблемой.

Как известно, в настоящее время в мире насчитывается более десяти тысяч языков и диалектов, однако, по данным Юнеско, «около двух третей населения нашей планеты говорит на двадцати семи языках» [3], и динамика распространения данного феномена в условиях роста численности человечества и глобализационных тенденций продолжает нарастать.

Естественно, что в наибольших масштабах билингвизм свойствен континентам и областям с высокой степенью международной интеграции и многонациональным государствам (РФ, США, Индия, Швейцария и др.) — в них и сложилась теория языковых контактов, изучающая различные аспекты языкового взаимодействия, и теория билингвизма-полилингвизма, исследующая его функциональные особенности.

Соответствующие вопросы стали объектом внимательного рассмотрения, особенно в середине XX века. Начало разработке основ современной теории взаимодействия языков положили У. Вайнрайх, Э. Хауген, Э. Кассирер, А. Мартине; большой вклад в становление современной общей теории языковых контактов внесли отечественные исследователи — В.А. Богородицкий, Л.В. Щерба, В.И. Абаев, Е.Д. Поливанов и другие. В дальнейшем теоретические труды посвящались различным аспектам теории языковых контактов и билингвизма: общелингвистические, социолингвистические, психологические, педагогические проблемы взаимодействия языков и двуязычия-многоязычия исследовали Ю.Д. Дешериев, М.Е. Верещагин, П.А. Бороздина, М.М. Михайлов, С.В. Семчинский, К.Х. Ханазаров, А.П. Майоров, Е.Ю. Литвиненко, В.А. Аврорин, К.А. Аликберов, Х.З. Багировов и другие ученые.

До недавнего времени основное внимание исследователей было направлено на проблемы коллективного билингвизма как результат распространения нового

языка в коллективе; индивидуальный билингвизм только входит в круг приоритетных направлений лингвистики, и механизмы сосуществования разных языков в сознании индивида еще не вполне ясны. Разнообразие подходов и определений индивидуального двуязычия не снимает проблемы и наводит некоторых лингвистов на мысль о невозможности исчерпывающей дефиниции явления: ««двуязычие как лингвистическое, социальное явление не поддается однозначному определению» [7. С. 28—29]. Тем более это относится к феномену двуязычного писателя (писателя-билингва), уже сама возможность которого ставится под сомнение многими исследователями-лингвистами. «Насколько понятие «билингвизм» применимо к серьезному литературному творчеству? — спрашивает К.В. Балеевских. — В принципе, написать на втором (третьем, четвертом и т.д.) языке при соответствующем образовании можно что угодно — стихотворение, рассказ, роман и пр., но будет ли это Литературой?» [4].

Сомнения вполне обоснованы, и скептический взгляд может оказаться продуктивным даже в тех случаях, когда речь идет о выдающихся писателях прошлого и современности (П. Мериме, Ж. Верн, А. Стринберг, Ч. Суинберн, О. Уайльд, А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, Е.А. Баратынский, И.С. Тургенев, Л.Н. Толстой, Ф.И. Тютчев, Дж. Конрад, Д. Джойс, С. Беккет, В.В. Набоков, П. Целан, А. Кристоф, М.И. Цветаева, А. Макин, Р. Рильке, И.А. Бродский, Ю. Рыхтеу, Ф.А. Искандер, Ч.Т. Айтматов и другие). Верно, что «можно по-разному относиться к творчеству лингвистических мигрантов, однако в любом случае это явление неординарное и малоизученное» [4].

Добавим к этому, что и гораздо более многоплановое и сложное, нежели *коллективный билингвизм* и *индивидуальный нелитературный билингвизм*. Литературно-художественный билингвизм представляет собой исключительный интерес не только с точки зрения лингвистики и литературоведения, но и с других позиций: культурологии и семиотики, философии и этики, социолингвистики и психолингвистики, этнопсихологии, психологии творчества и даже физиологии (1). Современные исследователи художественного билингвизма (У.М. Бахтикиреева, Г. Гачев, А.А. Гируцкий, Ч.Г. Гусейнов, Н.Г. Михайловская, Б. Хасанов, Т.К. Черторижская, К.В. Балеевских, Р.О. Туксайтова, С.Г. Николаев, А. Гайван и др.) значительно расширили наши представления об указанном феномене по ряду актуальных направлений.

При определении специфики нашей проблемы в контексте имеющихся работ становится очевидным следующее положение.

Мы располагаем исследованиями социолингвистических и психологических аспектов, во-первых, коллективного билингвизма и полилингвизма, во-вторых, индивидуального билингвизма, в-третьих, индивидуального литературно-художественного билингвизма и *транслингвизма* (об этом термине скажем в свое время), но практически нет комплексных, системно-исторических разработок двуязычных (билингвальных) и иноязычных (транслингвальных) национальных младописьменных литератур.

То есть, говоря о явлении билингвизма в широком смысле, мы имеем восходящую по степени многоаспектности и неизученности объектную цепь: *коллек-*

тивный нелитературный билингвизм — индивидуальный нелитературный билингвизм — индивидуальный литературный билингвизм — коллективный литературный билингвизм.

К последней и высшей ступени данного явления относится предмет нашего рассмотрения: Осетия — «личность» билингвальная; осетинская литература (ОЛ) — литература билингвальная. Очевидно, что без учета «особенностей языковой ситуации, стержнем которой является осетинско-русский билингвизм», нельзя понять «ни одно явление в процессах развития строя современного осетинского языка» [6. С. 166], и едва ли не в большей степени это положение применимо к осетинской литературе, — чем и определяется необходимость приложения к ней теории билингвизма. Генезис осетинской литературы, взятый в языковом аспекте, неотделим от вопросов происхождения, формирования и специфики ее *билингвизма и транслингвизма*.

Если «билингвизм — это результат межцивилизационного взаимодействия различных культур народов, одна из форм адаптации совершенно иной или родственной языковой культуры» [3], то «феномен *художественного* билингвизма проявляется прежде всего в том, что на основе взаимодействия двух языков и культур создается *оригинальное* творчество» [11] (Курсив наш — *И.Х.*).

Естественно, что «в регионах России развитие двуязычия имеет совершенно разное значение; в зависимости от множества факторов каждый регион отличается собственной спецификой, содержанием, уровнем развития, сложившейся практикой и культурой двуязычия, а также степенью межцивилизационного взаимодействия и языковых контактов» [3].

В широком смысле речь идет о генезисе осетинского билингвизма, который имеет прочные и глубокие корни в традиционной осетинской культуре, — это подтверждают исследования славистов и иранистов. В.И. Абаев констатировал, что «нижний предел славо-скифских, славо-сарматских и славо-аланских контактов доходит до эпохи переселения народов (IV век нашей эры) и далее до периода Салтовской (один из «очагов» аланской — *И.Х.*) культуры (VIII—IX века нашей эры) и Тмутараканской Руси (XI—XII века). Общая продолжительность контактов не менее 16 веков, а по всей вероятности, значительно больше» [1. С. 409]. О том, что контакты предков русских и осетин — славян и иранцев — «были очень длительными» и не прошли «бесследно» [8. С. 69—70], ярко свидетельствуют, в частности, скифо-славянские изоглоссы, «по количеству и весу далеко превосходящие сепаратные связи скифского с любым другим европейским языком или языковой группой» [1. С. 408—409].

Русскоязычную осетинскую литературу (РЯОЛ), возникшую в середине XIX века, вообще можно мыслить как явление одной развернутой и систематической письменной «изоглоссы», продолжающей и венчающей собой древнюю историю русско-осетинского языкового и культурного взаимодействия, — разумеется, отнюдь не непрерывного и не лишённого своего драматизма. Тем не менее, метафорически дело можно представить себе так, что нива РЯОЛ возникает — как знак возрождения осетинской культуры — из крохотного семени русской изо-

гlossы, из русского слова, занесенного на осетинскую почву ветрами уже европейского Просвещения.

РЯОЛ одновременно является и закономерным *следствием* кризиса «этно-демаркационной функции» [1. С. 18] (2) осетинского языка и падения его «престижного потенциала» [1. С. 292] (3), — и естественной и эффективной *компенсацией* этих кризисных тенденций.

Как к объективному результату указанной лингвокультурной истории и социокультурной ситуации к осетинскому литературно-художественному билингвизму вполне применим имеющийся в нашем распоряжении научный аппарат социо- и психолингвистики, — поэтому следует, по меньшей мере, конкретизировать его специфику на основе главных теоретических категорий двуязычия.

Если с точки зрения принципов возникновения и формирования (как генезиса) разграничиваются *естественный* и *искусственный* билингвизм, то очевидно, что осетинский билингвизм относится к первому типу явления, ибо он подготовлен, как мы обозначили выше, многовековой историей русско-осетинских лингвокультурных контактов; в известном смысле билингвизм выступает одним из факторов осетинского филогенеза. Именно к ситуации естественного билингвизма в наибольшей мере относимо следующее существенное для нас наблюдение: «реальное содержание двуязычия в первую очередь отражает лингвокультурные и психологические ценности и ориентиры его носителя, а затем *оно само влияет на них*» [3] (Курсив наш — И.Х.). Эта *естественность* является главной характеристикой билингвизма осетинской литературы.

Последнее можно утверждать априори, ибо не может быть регулярного (не-спорадического) коллективного (национального) литературно-художественного *искусственного* двуязычия, навязанного народу произвольно, обусловленного каким-либо искусственным образом. Нет силы, которая могла бы *заставить* народ творить на чужом языке. «Двуязычие, — писал В.И. Абаев, — это не нечто навязываемое нам (осетинам — И.Х.) извне, а наша внутренняя, осознанная необходимость, наше естественное состояние, наша судьба» [2. С. 3].

Если с точки зрения психолингвистики (уже на уровне онтогенеза) выделяются три типа билингвизма — *координативный*, *субординативный*, *смешанный*, — то новейшая история Осетии (в российскую эпоху) являет нам постепенное движение от смешанного типа билингвизма в XIX — начале XX века — к координативному билингвизму, формирующемуся в общих чертах к 20-м годам XX века. Понятно, что в данном случае мы говорим главным образом об осетинской пишущей интеллигенции, которая на раннем этапе литературной истории Осетии усваивает русский язык при уже господствующей в сознании системе родного языка, а на последующих, с развитием просветительской и образовательной инфраструктуры, овладевает осетинским и русским языками практически *параллельно*. Заметим, что данное наблюдение имеет принципиальное значение для решения периодизации ОЛ и РЯОЛ.

Наконец, известно, что с точки зрения коммуникативно-функционального качества правомерно фиксируются три уровня билингвизма: *рецептивный* (пони-

мание речевых произведений, принадлежащих вторичной языковой системе), *репродуктивный* (умение воспроизводить прочитанное и услышанное) и *продуктивный* (умение не только понимать и воспроизводить, но и самостоятельно *производить*, или «строить цельные осмысленные высказывания» [5. С. 134]. Данная градация, которую мы привели только в целях последовательности, актуальна исключительно для *не-литературных* модусов билингвизма: рассматривая ОЛ, мы имеем дело с *высшей степенью продуктивного двуязычия*, в качестве которого всегда и выступает литературно-художественный билингвизм (4).

Теория двуязычия сохраняет актуальность при исследовании всех этапов истории ОЛ и РЯОЛ, ибо не только ОЛ билингвальна, но все осетинские писатели независимо от языка творчества являются билингвами (5) либо в чисто языковом (коммуникативном) плане, либо в собственно литературном. В каждом отдельном случае следует специально выявлять степень сбалансированности языковых отношений в субъективном творческом сознании.

Однако в отношении специально РЯОЛ требуется ряд важных уточнений в части научного аппарата и исследовательского алгоритма. Дело в том, что писатели-билингвы создают *русскоязычные* тексты лишь на *ограниченном* этапе истории РЯОЛ; 20—30-е являются тем рубежом, после которого мы не встретим писателей-билингвов в строгом смысле: осетинские писатели пишут либо на родном, либо на русском языке. Уже исходя из данного положения, считаем целесообразным применить к осетинскому иноязычию (русскоязычию) в целом понятие *транслингвизма*, предлагаемого К.В. Балеевских (6).

Осетинский литературный транслингвизм формируется на базе билингвизма: изначально (до возникновения осетинского литературного образца) естественного коллективного (так сказать, *бытового*), затем *литературного* билингвизма и в известной мере выступает его закономерным развитием. Очевидно поэтому, что многие параметры билингвизма сохраняют свою актуальность при изучении национальной транслингвальной литературы и национальных писателей-транслингвов. Так, при ближайшем рассмотрении РЯОЛ как цельный текст представляет собой, опять-таки, текст *билингвистический*, поскольку он включает в себя множество разноуровневых национально-маркированных компонентов (в том числе прямые «межязыковые цитаты», «требующие от читателя знания соответствующего (...) языка или обращения к специальному затекстовому комментарию» [10]) и, соответственно, межкультурная *толерантность* — как важный параметр билингвистического текста — остается его «стратегически обусловленной категорией» [11].

Следует учесть, что истоки младописьменного осетинского (вообще горского) билингвизма и транслингвизма имеют мало общего со спорадическими явлениями билингвизма и транслингвизма в европейской и мировой литературе, отмеченными выше. По преимуществу они, так сказать, менее *естественны*, более *искусственны*. Во всяком случае, большинство причин би- и транслингвизма, выделяемых исследователями В. Набокова, Дж. Конрада, Д. Джойса, А. Макина и др. («лингвистические и культурологические пристрастия», «потребность самоутверждения», «вынужденная миграция», «форма протеста») [4] почти никак не отража-

ют сущности младописьменного и *регулярного* горского русскоязычия XIX в. (7), уже в силу того, что эти литературы имеют ярко выраженное *просветительское* наклонение, вызваны к жизни насущными просветительскими задачами; это *литература, возникающая из самой жизни, а не из литературы* (8).

Уже поэтому осетинские транслингвы и билингвы не таковы, как, например, Набоков, оригинальные англоязычные произведения которого, по оценке некоторых специалистов, можно считать своего рода «автопереводом», заключающимся в том, что рождающиеся в его сознании русскоязычные фрагменты текста как бы переводятся на английский язык. Автоперевод, безусловно, относится к явлениям осетинского двуязычия, но и здесь работают свои специфические творческие алгоритмы, не сводящиеся только к *переводу*. Как минимум, мы полагаем, что Е. Бритаев и А. Коцоев, создавшие русскоязычные варианты некоторых своих произведений, владели русским языком в известном смысле лучше, чем Л. Толстой — французским и В. Набоков — английским. Вообще у осетинских транслингвов не было «романа с русским языком» в том смысле, в каком у Набокова, по его признанию, был «роман с английским языком» [9. С. 342]. Разумеется, дело здесь не в степени филологического таланта, а в нравственном отношении, в подлинной сердечной привязанности, при которой отношения с языком не перерастают в «романы»: Россия для осетинских писателей куда как ближе, чем для русских — Западная Европа; русский язык для осетинской интеллигенции был, так сказать, более родным, чем европейские языки для представителей русской аристократии (9).

Очевидно, что, как указывал М.Е. Верещагин, «лингвистические типы билингвизма (...) соответствуют определенным типам аккультурации», причем «полной аккультурации соответствует координативный билингвизм» [5. С. 134].

Просвещение и образование в Осетии отличается высокой интенсивностью и чем дальше, тем больше обнаруживает объективную тенденцию к полюсу полной аккультурации. Если осетинский билингвизм эволюционирует, как мы сказали, от смешанного типа к координативному, то литературный транслингвизм закономерно движется от *неполного* транслингвизма — к *полному* (10); при этом существенно, на наш взгляд, что полный транслингвизм как *исключительное* пользование чужим языком в художественном творчестве не может возникать на базе смешанного билингвизма: минимальным социолингвистическим и культурным основанием полного транслингвизма является координативный билингвизм (тоже наблюдение, необходимое при историческом взгляде на РЯОЛ, при ее периодизации).

Таким образом, будучи пропущена сквозь призму теории билингвизма, ОЛ дает следующий спектр актуальных явлений: *осетиноязычие* — *билингвизм* — *неполный транслингвизм* — *полный транслингвизм* (русскоязычие), при этом первые три категории актуализируются на базе смешанного билингвизма, последний — координативного (именно как достаточно высокой степени аккультурации). Это то, что относится к чисто теоретическому положению вещей, картина, взятая в *синхронии*.

В контексте тезиса о падении «престижного потенциала» осетинского языка в новейшую эпоху (с XV в.) очевидно, что осетинский транслингвизм — это в известной мере тоже движение в направлении к более престижному (активному) языку (культуре). Но подобно тому, как указанные выше причины «спорадического» билингвизма малоприменимы к обоснованиям «регулярного» национального билингвизма и транслингвизма, к осетинским би- и транслингвам не может быть применена в комплексе и классификация С. Бочнера, который указывает четыре индивидуальных типа, формирующихся в результате межкультурных и межъязыковых контактов: «перебежчик» (отказ от собственной культуры ради чужой); «шовинист» (противоположный вариант); «маргинал» (колебание между двумя культурами); «посредник» (синтезирует две культуры, являясь их связующим звеном) [4]. Осетинские *осетиноязычные* писатели никогда не были *шовинистами*, билингвы — *маргиналами*, а транслингвы — *перебежчиками*; здесь тоже многое регулируется *младописьменностью и просветительской ситуацией*, которая позволяет нам принять лишь понятие *посредничества*.

Реализация данного культурного посредничества формально иллюстрируется тем соображением, что, если бы мы могли учесть индивидуальное творчество (разных авторов) в его многообразии с точки зрения меры *баланса осетинского и русского языков в творческом сознании*, то мы получили бы едва ли не сплошной стилистический сектор, ограниченный, с одной стороны, полюсом *собственно русской* литературы, с другой — полюсом *собственно осетинской* (осетиноязычной) (11).

Диахронический взгляд на ОЛ (включая обе ее ветви) выявляет следующие большие этапы: 1) исключительное русскоязычие осетинских писателей (Иналуко Тхостов, Инал Кануков, Мусса Кундухов и др.), 2) двуязычие осетинских писателей (Коста Хетагуров (12), Александр Кубалов, Арсен Коцоев, Елбасдуко Бритаев, Георгий Малиев и др. пишут и на русском, и на осетинском), 3) разветвление ОЛ и РЯОЛ на уровне творческой индивидуальности: осетинские писатели пишут, *как правило* (13), или на русском (Батырбек Туганов, Георгий Цаголов, Дзахо Гатуев, Ахмет Цаликов, Езетхан Уруймагова, Хаджи-Мурат Мугуев и др.), или на осетинском (Темирболат Мамсуров, Сека Гадиев, Блашка Гурджибеков (14), Роза Кочисова, Цомак Гадиев и др.).

Последняя стадия включает в себя две фазы, отражающие динамику указанного процесса *разветвления*. Таким образом, что касается непосредственно осетинских писателей — представителей РЯОЛ, то здесь следует различать четыре принципиальных стадии: их 1) полный транслингвизм, 2) билингвизм, 3) неполный транслингвизм (Батырбек Туганов, Георгий Цаголов, Езетхан Уруймагова и др.), 4) полный транслингвизм (Дзахо Гатуев, Ахмет Цаликов, Хаджи-Мурат Мугуев и др.)

Разница между РЯОЛ первой и последующих фаз в том, что сначала русский язык в известном смысле безальтернативен, его выбор (15) определяется объективными — отсутствием осетинской печати и литературного языка и пр. — обстоятельствами, а позже — субъективными; можно сказать, что на первом этапе рус-

скоязычие осетинской литературы обусловлено *необходимостью*, на втором, третьем и четвертом — *свободой*. Соответственно, полный транслингвизм первой фазы мы назвали бы *стихийным*, тогда как полный транслингвизм четвертой фазы правомерно определить как *методический*. Таковым делает его не только факт свободного и осознанного выбора осетинскими писателями русского языка в качестве языка творчества, но и определенная зрелость осетинской литературы в целом.

Безусловным идейным и художественным образцом для РЯОЛ служит, естественно, русская литературная классика ввиду общности языка и художественных достижений последней; соответственно, динамика развития осетинского литературного русскоязычия такова, что при самом интенсивном *идейно-содержательном* взаимодействии с литературой на осетинском языке она естественным образом тяготеет к собственно «русскому», *формально-лингвистическому* полюсу своей культурной организации.

Тем не менее, даже бесконечно приближаясь к нему (своего рода функция асимптоты), русскоязычная литература не может стать *русской* литературой в строгом смысле этого слова в силу своего этнокультурного корня. Парадокс в том, что русскоязычная ветвь осетинской литературы может прекратить существование только *вместе с осетинским языком* и, соответственно, осетиноязычной литературой; но это и логично: осетинский транслингвизм возможен исключительно в рамках билингвизма; транслингвизм вообще возможен до тех пор, пока налицо собственно «лингвизм»; чтобы писать на чужом языке, необходим, как минимум, *собственный*.

При этом на всех стадиях развития РЯОЛ гетерогенна и двудоминантна: при доминировании русского языка как средства и орудия, как матричной формы текста, в ней сохраняют актуальность «архетипы» национального мышления, осетинская *культурно-мировоззренческая* доминанта и — хоть это менее очевидно — определенный комплекс творческих алгоритмов, диктуемых (часто на подсознательном уровне) национальным эстетическим вкусом и «смыслообразами» родного для писателей осетинского языка.

Указанные обстоятельства выступают необходимым и достаточным основанием для того, чтобы признавать (разумеется, по всесторонней эмпирической проверке этой гипотезы в каждом отдельном случае) принадлежность транслингвальной литературы к культуре *пишущего народа*, а не к культуре народа *используемого языка*; в конце концов, не язык, а народ является субъектом творчества (16). Языковой критерий идентификации литературы первичен лишь внешне; именно согласно этой логике мы называем данную транслингвальную литературу — *русскоязычная осетинская*.

Следует, конечно, признать, что двуязычие в пределах малого этноса (как и в масштабе индивидуума) — не слишком устойчивая система, всегда грозящая «обвалом» в пользу одного из языков; чисто теоретически нельзя исключать того, что ОЛ снова станет моноязычной, то есть сугубо русскоязычной, как при ее возникновении, и, таким образом, билингвизм окажется лишь конечным периодом

в истории осетинской литературы. Это, однако, могло бы произойти лишь в том случае, если бы речь шла о совершенно независимых друг от друга, автономных идейно-художественных системах. Напротив: они взаимно обогащаемы и взаимно поощряемы. В частности, русскоязычная литературная критика и публицистика оказывает большое и положительное воздействие на литературно-художественный процесс в его осетиноязычной части.

Самобытность осетинской литературы относится не только к целому этой литературы в ее двуязычии (это пустая, «количественная» самобытность), но и к каждой языковой традиции в отдельности, ибо каждая из них приобретает через взаимодействие принципиально новое качество. Как правило, двуязычная литература обладает и повышенной внешней валентностью: в частности, русскоязычная осетинская литература выступает, с одной стороны, аккумулятором внешних литературных тенденций и процессов, служит своего рода активным буферным звеном, замыкающим мировые литературные «токи» на ядро традиционной осетинской культуры, с другой, обеспечивает максимальную мощность звучания самого этого ядра, ибо естественно, что едва ли не лучшими переводчиками осетинских текстов являются осетинские же русскоязычные литераторы.

Соответственно, ОЛ (включая обе ее — осетиноязычную и русскоязычную — ветви) следует рассматривать как оригинальное и *цельное* художественное пространство с общими сверхзадачами и общей сверхтемой — национальный осетинский мир в историческом движении и духовном развитии как единый текст, работающий на актуализацию различных уровней культурно-этнической идентичности осетин.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Так, на научной конференции РГГУ «Бахтинские чтения: Проблемы научного языка М.М. Бахтина» (2005) А. Гайван выступила с докладом «Проблемы литературного билингвизма в аспекте функциональной асимметрии головного мозга». См.: Интернет: <http://vestnik.rsuh.ru/article.html?id=54830>
- (2) Язык есть *идеология* народа, и, как говорит Абаев, не в последнюю очередь он «ценен и дорог своей *этнодемаркационной функцией*». Всякая национальная транслингвальная литература возникает в условиях определенного кризиса этой функции. Все прочие основания являются на самом деле частными аспектами указанного *идеологического* обстоятельства.
- (3) Очевидно, «престижный потенциал» не является узко лингвистическим понятием, и значение «внутренних качеств языка, — подчеркивает Абаев, — здесь ничтожно. Решающими оказываются внеязыковые факторы: культурные, экономические, социальные, демографические, политические, даже чисто военные... В обмене между языками дело обстоит, как в электричестве — чем больше разность потенциалов, тем интенсивнее движение тока от одного тела к другому». Снижение потенциала осетинского языка связано непосредственно с монгольским нашествием, имевшим для алан катастрофические последствия: численность народа и занимаемая им территория резко сократилась и «ареал распространения осетинского языка сузился до нескольких ущелий Центрального Кавказа». Если «в *аланский* период осетинские элементы в значительном числе вошли в грузинский язык, (...) распознаются в вайнахских языках, в сванском, мегрельском, абхазском, абазинском, адыгских», то в *новейший* «в языковом обмене с соседями осетинский уже не играет такой активной роли, как прежде. Он сам заимствует значительное число слов из грузин-

ского, кабардинского и русского». Ослабление («резкое» и значительное) позиций осетинского языка не только естественно вело к заимствованию слов из контактирующих с ним языков, но в конечном счете и подготавливало условия для заимствования самого языка доминирующей культуры.

- (4) Скептическое отношение к билингвизму и транслингвизму понятно, когда оно касается отдельного автора, а не билингвального народа. Коль скоро та или иная национальная иноязычная литература существует, она не может быть сплошь художественно и идейно *анемичным* текстом, явлением, недостаточно мотивированным действительной потребностью национального таланта, не обладающим внутренним обоснованием собственного бытия. Отдельный писатель-транслингв (как, кстати, и не транслингв) может потерпеть неудачу, и даже неоднократно; но целый народ не может страдать графоманией на протяжении столетий.
- (5) Даже Сека Гадиев (зачинатель традиции художественной прозы на осетинском языке), не говоривший по-русски, был все же *рецептивным* билингвом.
- (6) «Принимая во внимание, — пишет К.В. Балеевских, — факт «ухода» в чужую языковую систему, то есть смену творческого языка, и отсутствие, как правило, выдающихся литературных произведений на родном языке, считаем возможным использовать для этой категории писателей термин не «билингв», а «транслингв» как более объективно отражающий суть явления».
- (7) Горскому транслингвизму XIX века гораздо ближе по содержанию аналогии, относящиеся к странам и эпохам, в рамках которых литературно-художественное творчество на родном языке было не нормой, а редким исключением. Таково литературное средневековье, в частности, персоязычная литература Средней Азии. Впрочем, данная аналогия — тема отдельного исследования.
- (8) Характерны в этом смысле уже социально-экономические предпосылки возникновения РЯОЛ — в частности, отсутствие шрифта и печати на родном языке: на русском языке осетины стали писать не из праздности, а из глубокого сознания задач, вставших перед народом в новую эпоху.
- (9) В том, что осетинское русскоязычие обусловлено не только геополитическими и филологическими обстоятельствами, но и более тонкими предпосылками, невольно убеждает тот факт, что на осетинской почве не привился осетино-грузинский билингвизм, хотя в Осетии известны средневековые грузиноязычные эпитафии, а в конце XVIII — начале XIX века И. Ялгузидзе-Габараевым был создан полноценный прецедент грузиноязычной осетинской литературы — «Поэма об Алгузе» («Алгузиани»).
- (10) Градации транслингвизма также выделены К.В. Балеевских: при полном билингвизме «писатель в литературном творчестве и в повседневной жизни отказывается от родного языка», при неполном — «периодически к нему возвращается».
- (11) Аналогично тому, что «лингвистическую сущность понятия «русский язык как средство межнационального общения» надо рассматривать в цепи понятий «русский язык — русский литературный язык — русская речь нерусских — родной язык». Собственно лингвистический анализ коллективного билингвизма тоже показывает, что «на пути к совершенному знанию русского языка билингв овладевает рядом промежуточных форм двуязычия, которые характеризуются различной степенью проявления интерференции»; так, Х.З. Багироков выявляет восемь *ступеней* двуязычия и шесть *социолингвистических моделей* двуязычия.
- (12) Билингвальной ОЛ стала в 1899 году, с выходом в свет сборника стихов К. Хетагурова «Осетинская лира» («Ирон фандыр»).
- (13) Данная оговорка существенна не только в виду *постепенного* формирования транслингвизма, но и в том смысле, что абсолютное большинство осетинских *осетиноязычных* писателей во все времена свободно пользовались русским языком в области литературной критики и публицистики.

- (14) Здесь нельзя не отметить, что, помимо собственно литературного билингвизма, ОЛ характеризуется и *диалектно-литературным* билингвизмом, начало которому положила изданная в 1902 году во Владикавказе книга стихов Б. Гурджибекова, писавшего на *дигорском* диалекте осетинского языка.
- (15) Лучше сказать, выбора как такового у первых осетинских писателей не было. Заслуга Коста состоит и в том, что он дал своим соплеменникам возможность выбора.
- (16) Это актуально в контексте продолжающейся полемики (во всяком случае, в осетинской филологической науке) о действительном или мнимом отношении этой литературы к собственно национальной литературе.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Абаев В.И.* Избранные труды: В 4 т. — Владикавказ: Ир, 1995. Т. 2. Общее и сравнительное языкознание.
- [2] *Абаев В.И.* Предисловие // Галазов А.Х., Исаев М.И. Народы-братья, языки-братья: Русско-осетинские лингво-культурные контакты. — Орджоникидзе: Ир, 1987.
- [3] *Багиров Х.З.* Билингвизм: теоретические и прикладные аспекты (на материале адыгейского и русского языков). — Майкоп: Изд-во АГУ, 2004.
http://www.agulib.adygnet.ru/el_res/bagirov/index.htm
- [4] *Балеевских К.В.* Писатель-билингв: свой среди чужих?
http://www.yspu.yar.ru/vestnik/novye_issledovaniy/12_2
- [5] *Верецагин Е.М.* Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма). — М., 1969.
- [6] *Галазов А.Х., Исаев М.И.* Народы-братья, языки-братья: Русско-осетинские лингво-культурные контакты. — Орджоникидзе: Ир, 1987.
- [7] *Дешериев Ю.Д.* Основные аспекты исследования двуязычия и многоязычия // Дешериев Ю.Д., Протченко И.Ю. Проблемы двуязычия и многоязычия. — М., 1972.
- [8] *Иванов А.М.* Рассветы и сумерки арийских богов. Расовое религиоведение. — М.: Белые альвы, 2007.
- [9] *Набоков В.В.* О книге, озаглавленной «Лолита» (Послесловие к американскому изданию 1958 года) // Набоков В.В. Лолита. — М.: Патриот, 1992.
- [10] *Николаев С.Г.* Иноязычие как метакомпонент художественного текста (к вопросу о билингвизме в поэзии). — <http://edu-zone.net/show/153857.html>
- [11] *Туксаитова Р.О.* Речевая толерантность в билингвистическом тексте (на материале русскоязычной казахской прозы и публицистики): Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. — Екатеринбург, 2007. — <http://vak.rbcsoft.ru/common/img/uploaded/files/vak/announcements/filolog/TuksaitovaRO.doc>

ON THE NATURA OF OSSETIAN LITERATURE: BILINGUISM AND TRANSLINGUISM THEORIES' PERSPECTIVES

I.S. Khugaev

Department of Russian and Foreign Literature
Peoples Friendship University of Russia
Miklucho-Maklay str., 6, Moscow, Russia, 117198

The author discovers and analyzes key parameters of the Ossetian literature in the light of theories of bilinguism and translanguism, both from synchronic and dynamical points of view.